

М.И. Козьякова

**ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРА
ПОВСЕДНЕВНОСТЬ**

Мария Козьякова

**История. Культура.
Повседневность**

«Согласие»

2013

Козьякова М. И.

История. Культура. Повседневность / М. И. Козьякова —
«Согласие», 2013

Данная книга посвящена исследованию повседневной жизни Западной Европы и охватывает период с античных времен до XX века. Характер труда и досуга, обычаи, привычки, мир вещей, окружающих человека, раскрывается в контексте эпох. Историческая реконструкция повседневности того времени представлена в ключе социально-культурной антропологии, что позволяет поставить в центр внимания самого человека с его предметно-материальной и духовной деятельностью, образом жизни, мировоззрением. Книга адресована преподавателям и студентам гуманитарных вузов, а также читателям, интересующимся историей культуры.

© Козьякова М. И., 2013

© «Согласие», 2013

Содержание

Введение	6
Раздел I	13
Античная Греция	13
Глава 1	16
Глава 2	23
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мария Ивановна Козьякова
История. Культура. Повседневность.
Западная Европа: от
Античности до XX века

Учебное пособие по культурологии для высших учебных заведений

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор А.С. Мигунов

доктор философских наук, профессор А.Я. Флиер

Введение

«История – культура – повседневность» – именно так должен формироваться исследовательский алгоритм повседневности, и в такой же последовательности необходимо расставить приоритеты при описании этого феномена. Как и культура, повседневность исторична по своей природе, имеет пространственно-временную локализацию. Само ее настоящее «прорастает» из прошлого, определяясь им так же, как будущее определяется настоящим. Ее бытие немислимо без исторических корней, которые питают многовековое древо культуры.

Повседневность называют сферой «непосредственно переживаемой истории» (Г. Кнабе): то, что стало теперь прошлым, было когда-то повседневной жизнью людей, некой обыденной привычностью вещей и поступков, ситуаций и чувств. Толковые словари определяют повседневность как нечто ежедневное, постоянное, обычное. Действительно, она постоянна, оставаясь неизменным атрибутом человеческого существования, но одновременно, в силу многократных повторов, обретает подвижность и вариативность. Она способна накапливать, аккумулировать прошлый опыт, запечатлевая его в виде естественной данности, передавая затем, как эстафету, будущим поколениям. И в то же время она изменчива, подвержена разного рода влияниям – каждая эпоха говорит на своем языке.

В пространстве жизни отдельного человека бытовая повседневность – заданная константа, так же как время и место, где довелось ему родиться. Быт – это обычаи, привычки, модели ежедневного поведения, тот жизненный уклад, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, правила любовной игры и ритуал похорон. Они имеют социальную окраску, разнятся в зависимости от ранга социальной группы, к которой принадлежит человек. Это обычная жизнь, «вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение». Именно по поведению, по обычаям узнаем мы «своего» и «чужого», человека той или иной эпохи, той или иной нации, – так характеризует быт Ю. Лотман.

Самому современнику мир окружающей его повседневности незаметен, он естественен, как собственная кожа, как воздух, которым он дышит. Его своеобразие оценивается постфактум, при неких трансформациях, в которых утрачивается привычный обиход. Чужим для данной среды обитания будет иностранец, турист или путешественник, в силу тех или иных причин оказавшийся в непривычных для него условиях. Посторонним наблюдателем оказывается и историк, пытающийся реконструировать прошлое.

Из всего многообразия исторических тем, направлений, областей исследовательской активности, будь то политика, экономика, религия или искусство, повседневность наиболее тяжело поддается реконструкции. Повседневные практики создаются коллективной традицией, а творчество в этой сфере всегда безымянно. Особенно упорно хранит свои тайны «молчаливое большинство», не владевшее письменностью. Единичное «Я» там растворяется в массовом, в господствующих стилях жизни и способах времяпрепровождения, стереотипах поведения или языковых клише. Именно здесь еще сохраняется давно исчезнувший в других областях жизни заповедник «неотрефлексированного блаженства» (С. Кьеркегор), поскольку повседневные практики, как правило, не поддаются рефлексии. Генераторами их специфических особенностей выступают приметы времени, модальные императивы эпохи. Они потребляются в известной степени бессознательно, и это отмечает, например, Э. Гидденс, концептуализируя феномен рутины.

Повседневность принадлежит к наиболее значимым культурным универсалиям, являет собой базисную, фундаментальную структуру. В различных гуманитарных науках данный феномен воспринимается и оценивается не однозначно, что вытекает как из истории вопроса, так и из отсутствия единого представления о самом культурном универсуме. Концептуаль-

ные различия исследовательских подходов к изучению культуры формируют теоретическое богатство разнообразных научных направлений, в том числе эволюционизм, психологическую антропологию, структурную антропологию, постструктурализм и др. При всех отличиях проблемных полей и методов исследования, в них существуют, однако, общие представления о познавательном статусе категории «культура», имеющем не онтологический, но гносеологический смысл.

Многообразие дефиниций можно свести к двум основным позициям: в одном случае культура составляет измерение в ряду других, предназначенных для анализа социального действия, конкретно – для символической и ценностной сферы. В другом случае культура понимается как особая упорядоченная селективная область феноменов, противопоставляемая «природному» (Э. Орлова). Различия этих трактовок не абсолютно, но относительно, так как в обоих случаях речь идет о мире искусственных феноменов, о созданной людьми искусственной среде существования и самореализации. В более узком смысле искусственность понимается как сфера символического пространства. «Область культуры всегда область символизма» (Ю. Лотман).

В культурной антропологии человек изучается через взаимодействие со своей материально-предметной и социокультурной средой. Человек и среда, человек в среде, их взаимосвязь и взаимовлияние – такова доминирующая установка. Из жизненных сфер именно повседневность наиболее полно концентрирует в себе заданный класс феноменов, понимается ли под ней содержание совместной жизни людей, совокупность символических материальных объектов (артефактов), образцы человеческих отношений, нормы и регуляторы социальных взаимоотношений людей. В этой сфере культура обретает свою онтологическую сущность, поскольку именно повседневность тождественна наиболее общей, максимально расширенной типологии «человеческого, просто человеческого».

На протяжении длительного времени понятия «культура» и «повседневность» существовали автономно. Их пути не пересекались ни в научных трактатах, ни в обыденном представлении, и потому долгим и тернистым был их путь навстречу друг другу. С XVII века понятие «культура» существует как термин, как самостоятельная дефиниция (С. Пуфендорф, Г. Лейбниц). Это понятие актуализируется Й. Гердером как результат просвещения, как цвет бытия народа, изящный, но бранный и хрупкий. И. Кант формулирует «культуру умения» и «культуру воспитания», апеллируя к нравственному совершенству и долгу. В идеалистической философской системе Г. Гегеля она предстает как инобытие Абсолютной идеи и тем самым являет собой некий высокий уровень абстракции. Но, с другой стороны, культура в его представлении тесно связана с духом народа и потому выступает в форме творений, создаваемых этим народом. Гегель выделяет культуру «теоретическую» и «практическую», моральную и интеллектуальную, закладывает основы культурной иерархии посредством ранжирования «высших» и «низших» культур.

Неокантианцы Г. Риккерт, В. Виндельбанд, Э. Кассирер продолжили идеалистическую линию в трактовке феномена культуры, предложив ее ценностную, смысловую концепцию. Над «миром вещей» и «миром идей» находится «мир смысла», мир ценностей, который являет собой самостоятельное царство. Это царство, лежащее над бытием, по ту сторону субъекта и объекта, и есть мир культуры. Следует, однако, остановиться на одной из дефиниций, данной Г. Риккертом, где он обосновывает смысл понятия культуры через противопоставление с природой. Эта идея оказалась плодотворной в концептуальном смысле, особенно для изучения повседневности, поскольку она определяет культуру в ее максимально широком, антропологическом аспекте: «... природа есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и представлено собственному росту. Противоположностью природе в этом смысле является культура как нечто, что непосредственно создано человеком.».

Двойственность и известная поляризация смыслов прослеживается и в истории эволюции концепции культуры на отечественной почве (А. Шендрик). Как отмечают исследователи, понятие «культура» получает в России распространение в первой половине XIX века. Оно первоначально бытует в тех кругах интеллигенции, которые были связаны с образовательной или издательской деятельностью: в среде литераторов, издателей, в профессорско-преподавательском корпусе. Смысловая аура понятия «культура» весьма близко соприкасается, а то и отождествляется с понятиями «образование», «воспитание», «просвещение». Именно в этом смысле трактовали культуру русские философы, заложив тем самым традицию ее использования в среде русской интеллигенции: культура «аристократична» по своей сущности, она связана с сакральным культом, традициями, «жизнью религиозной» (Н. Бердяев); «с миром божественного» (В. Соловьев); она есть «система отвлеченных идей» (К. Леонтьев); она «духовна по своей природе» (И. Ильин). В трактовке символистов (А. Белый) культура понимается так же однозначно – исключительно как духовная.

Иная линия интерпретации феномена культуры идет от социальных реалий отечественной истории. Необходимость повышения культурного уровня народных масс была провозглашена насущной задачей в период «социалистической культурной революции». Тем самым был дан старт широкому распространению данного понятия в обиходной речи и одновременно его нарративной трансформации как совокупности норм и правил поведения, как определенного интеллектуального стандарта: «культурный человек», «культурное поведение». Данный процесс происходил одновременно с утверждением в качестве официальной идеологии марксизма с его приматом – материально-производственной доминантой. И потому в обществе закрепились понятия «культура производства», а также другие культурно-отраслевые гибриды: «физическая культура», «правовая культура». В планово-хозяйственной системе СССР сложилась практика применения данного концепта в узкоотраслевом смысле: культура как отрасль народного хозяйства. К ней относились библиотеки, музеи, клубы и другие учреждения непродуцированной сферы, выполнявшие образовательные, воспитательные, рекреационные функции. Именно с подобной отраслевой системой связана уникальность отечественного термина «учреждение культуры». Естественно, феномен повседневности с присущими ему характеристиками тривиальности и рутины не мог быть соотнесен ни с высокими творческими интенциями интеллектуально-художественной деятельности, ни с идеалом культуртрегерских новаций.

В свою очередь, повседневность как важнейшая и «вечная» тема культуры также имеет длительную историю. В различные исторические периоды она воспринималась и оценивалась по-разному. Начиная с эпохи Возрождения, повседневность получает аксиологическую привязку к сословным (социальным) параметрам и рефлектируется как компонент низовых пластов культуры. В просветительской парадигме она обретает негативный оттенок вследствие формирования рационалистических установок. Они задают жесткий лого-центристский подход к исследованию жизненных реалий, противопоставляют природу и человека, теорию и практику, чувства и разум. Концептуальный императив рациональности становится важнейшим компонентом культуры Нового времени.

Антиномия природы и человека, чувства и разума обусловили «разрыв» реальности, эссенциализм как важнейший компонент культуры Нового времени. В социально-философских учениях развивается идея прогресса человеческого общества, основанного на принципах разума и общественного блага. Прогресс достигается усилиями людей, и человек предстает творцом и демиургом, призванным перестраивать исторические процессы и институты в соответствии со своей природой и своими нравственными идеалами. Ориентируясь на мир логики и порядка, устойчивых структур и процессов, прогрессистский идеал отрицал бытовой план человеческого существования. Место повседневности отныне было определено в одном ряду с традиционализмом и патриархальностью, ставшими синонимом невежества и суеверия.

Эссенциализм и фундаментализм правили бал и в XX веке. Здесь коренились истоки многих доктрин, базирующихся на жестком детерминизме и нормативности, отсюда во многом исходила тоталитарная практика. Разрушался «старый мир», строился «новый», имеющий определенный план, структуру, порядок. Очерчивая исследовательское поле, классическая парадигма сознательно сужала его, априорно исключая многие сферы, в том числе мир повседневности, «жизненный мир» человека в широком смысле. Из этих методологических установок вытекало и естественное для классического мировоззрения презрение к этой сфере как заведомо боле «низкой», которая должна быть «преодолена», «реорганизована» на основе теоретических моделей. Однако то, чем пренебрегала классика, оказалось чрезвычайно важным для природы человека, для общества и культуры. Кризисные явления мировой истории послевоенного периода, в том числе застой в экономике, экологический кризис, динамичные социальные, политические, культурные процессы заставили по-иному взглянуть на многие ранее незыблемые постулаты.

Аксиологическая трансформация темы относится уже ко второй половине XX века. Она связана с поиском новых фундированных оснований культуры, с попытками преодолеть кризис европейской науки, с критикой техногенной цивилизации. Постмодернистская парадигма, ориентированная на решение этих проблем, вновь побуждает обратиться к традиционалистским ценностям, среди которых внимание к бытовому плану как к важнейшему аспекту человеческого существования. Обретение смыслообразующих пластов культуры означает восстановление доверия к реальности, составляющей почву «жизненного мира». Реалии быта, обыденное сознание, материально-предметная среда, окружающая человека, осознаются как существенный модус человеческого бытия, как особая культурная ценность. Вследствие этого разнообразные проявления повседневной жизни, долгое время остававшиеся на периферии научного интереса, постепенно перемещаются в центр внимания, воспринимаются как информативно-насыщенные, репрезентативные социокультурные индикаторы. «Жизнь как она есть», «жизненная стихия» привлекает все больший интерес специалистов, формируются новые направления исследований: «история повседневности», «эстетика повседневности», «социология повседневности».

На новом этапе культуре повседневности возвращается ее незаслуженно забытое прошлое, в том числе гармония античной рациональности, теодицея средневековой утилитарности, всеобъемлющий ренессансный антропологизм. Для истории культуры, расширяющей сферу исследования, включающей в свой арсенал инновационные стратегии, открываются новые возможности в плане восстановления и сохранения культурного кода, заложенного предшествующим историческим развитием. Особое место занимают исследования историков и культурологов школы «Анналов» («Новая историческая наука») – одной из самых влиятельных в области исторической науки и теории культуры, воплощающей в себе культурно-антропологический подход в изучении исторического материала. Она дала толчок формированию таких направлений и дисциплин, как историческая демография (история семьи и брака, сексуального поведения), история питания, отношение к смерти (танатология).

Повседневность, превратившись в один из ключевых объектов современного гуманитарного знания, в различных научных школах, тем не менее, трактуется неоднозначно. «Неуловимая» и «ускользающая», она играет в основном регулятивную роль в отборе материала. Данная категория функционирует как «рамочный синдром», позволяя включить в себя неспециализированную деятельность, обыденное сознание и бытовую материально-вещественную среду. Ее смыслообразующее ядро составляет семантика тривиальности, некоего регулярно повторяющегося действия, бытовой вещественной формы, становящихся в силу этого привычными, заурядными, обыденными. Повседневность – нерелефлируемая очевидность, мир «естественной установки», «стихийности бытия» с ее бесконечной вариабельностью мелочей, неуловимых и ускользающих от внимания исследователей. И в то же время она – «продукт социального

конструирования». Здесь действуют логики практики, логики коммуникационной, аффективной и символической интеграции (Н. Козлова).

В таком аспекте повседневность целиком и полностью может быть отнесена к культурологическому дискурсу и определена как содержание совместной жизни и деятельности людей, за исключением специализированной деятельности, художественных и раритетных предметных форм, а также исторически сложившихся форм общественного сознания. Эта жизнедеятельность понимается не в биологическом, а в социальном и культурологическом смысле, когда люди «вообще функционируют» (Ж. Ле Гофф), т. е. как технология жизнедеятельности. Именно она делает человека человеком, формируя и оттачивая его человеческие качества.

Трактуемая подобным образом, повседневность уподобляется «жизненной стихии», наглядно проявляя свою асобытийность: мелкие факты, едва заметные во времени и в пространстве, повторяясь, обретают всеобщий характер, распространяются «на всех уровнях общества, характеризуя его образ существования и образ действия, бесконечно его увековечивая» (Ф. Бродель). Эта «бесконечность» делает повседневность в известной степени не – или точнее – внеисторичной. С точки зрения «жизненного мира» повседневности культура предстает не как событие, а как процесс. Событие, являющееся краеугольным камнем традиционной историографии, исчезает, растворяясь в энтропии повседневного. Более всего здесь подойдет обоснованная Ф. Броделем и используемая школой «Анналов» категория длительного исторического времени – *Longue duree*. Используя образные сравнения, можно представить повседневность в виде вещества истории, ткани исторического платья. Она расплывчата и неопределенна, и традиционная событийная история только «держит» эту субстанцию своими временными рамками, почти не влияя на нее.

Вопрос о собственных организующих (структурирующих) началах повседневности крайне сложен из-за ее полиморфизма и стихийности. Важнейшее из них – социальная структура, определяющая социальную иерархию, ранжирующая «верхи» и «низы» тех или иных сообществ. Для «низовой» массовой культуры, представляющей глубинный уровень повседневности, характерны стабильность и консерватизм, устойчивость к переменам, она в значительной степени питается патриархальными традициями – «почти неподвижная история». Так называемая культура «элиты» более лабильна, подвержена воздействию инноваций, иногда сознательно берущихся на вооружение господствующими группами (сословиями, классами).

Господствующие слои устанавливают и поддерживают политические и социальные структуры, нормы и правила социального взаимодействия, обеспечивающие определенные интересы. «Верхи» общества определяют ценностные ориентиры, создают иерархические порядки, диктуют идеологему. Символически осваивая окружающий мир, они «перерабатывают» повседневность в стиль, формируют этический, эстетический, религиозный, интеллектуальный идеал эпохи. Стиль (стилизация, стилевая эволюция) также структурирует повседневность, задавая алгоритм ее развития. Являясь некой культурной целостностью, он влияет как на материально-предметный мир, так и на поведенческую сферу, проявляясь в речи, поведении, манерах и др. Это, говоря словами Й. Хейзинги, «всеобщее моделирование жизни, духа и внешнего облика». Утонченное искусство жить, преобразуя формы жизненного уклада в художественные, предъявляя высокие требования к индивидуальному стилю жизни – занятие элитарное, на котором «лежит отпечаток аристократичности».

История культуры имеет традиционную периодизацию, позволяя выделить греческую и римскую античность, Средние века, Возрождение и Новое время. Каждая эпоха создает особый тип повседневного быта, обладающего специфическими чертами, стереотипами сознания и поведения, имеющего определенные материально-вещественные структуры. И потому в книге рассматриваются некие доминанты, определяющие ментальность и образ жизни человека данной эпохи (агональность греческого мира, патриархальность римской античности, милитаризм и теоцентризм Средневековья и др.). Тематика повседневности предваряется кратким истори-

ческим обзором, в котором освещается внешняя и внутренняя политика, культура ведущих стран (регионов), представлен материал, отражающий историческую специфику данного периода, в том числе персоналии.

Античный гражданин и раб, средневековый рыцарь и священник, дворянин и буржуа Нового времени – в книге широко используется типологический принцип, при котором выделяются обобщенные поведенческие модели (паттерны). Важная часть повседневного – «женский мир»: положение женщины в обществе, матримониальное поведение в различных социальных группах, нормы сексуальной морали, отношение к детям. Детство рассматривается как период подготовки к самостоятельной (взрослой) жизни, вхождения человека в общество. «Вечные» темы культуры – любовь и смерть – менее всего поддаются регламентированию и унификации: здесь биологическая природа человека проявляется эмпирически наглядно. Эти узловые моменты создают вокруг себя культурное пространство – особые этические и эстетические нормы, ритуалы, обычаи, символы. Так, смерть стала одним из универсальных языков культуры (Ю. Лотман), «экраном», на который проецируются все жизненные ценности (А. Гуревич), что демонстрирует, например, феномен макабра. Подобным образом каждый исторический период порождает свой ряд культурных феноменов, связанных с эросом – античный гетеризм и средневековый культ Прекрасной дамы, ренессанскую куртуазность и галантность Нового времени.

Важную роль в повседневной жизни играет труд и досуг, отдых и развлечения, праздники, которые тоже являются неотъемлемой частью человеческой жизни. Столетия европейской истории демонстрируют широкий диапазон аксиологических метаморфоз: модифицируются старые ценности, возникают новые, соответствующие духу времени, соотносящиеся с техническим, материальным уровнем развития общества.

Материально-предметная среда, окружающая человека – пища, одежда, жилище – иная сторона повседневности, находящаяся в неразрывном единстве с поведенческой, деятельностной сферой. Предметный мир обладает не только чисто утилитарными, прагматическими характеристиками. Он наделяется знаковым, символическим кодом определенных смыслов и значений, говорит «языком» культуры – те или иные предметные реалии создают в своей совокупности некий культурный контекст.

Сфера жизни, связанная с питанием, является существенной частью повседневности. Она включает в себя не только вещественное содержание, пищу и утварь, но также убранство стола, манеры поведения, стереотипы массового сознания, относящиеся к еде. История питания свидетельствует, что традиции и привычки, связанные с едой, тотально консервативны. Новации, внедрявшиеся в этой сфере, как правило, насаждались «сверху». Об этом свидетельствует как европейская триада, оставшаяся неизменной еще со времен античности – хлеб, мясо, вино, – так и «продовольственные революции» (Ф. Бродель), сформировавшие современный тип питания. Именно новшества, недоступные большинству населения, а также пищевая роскошь выделяли элитарные слои. И наоборот, основные продукты, особенно хлеб, стояли в центре картины мироздания, формировали бытовой обиход основной массы людей.

Жилая среда и ее эволюция, а также урбанизация – важные реалии мира повседневного. У городского и сельского жилища разная «судьба», различная динамика развития, отражающая специфику городского или сельского быта. Город противопоставляет округе иной, особый образ жизни, он господствует над ней, эксплуатирует ее (Ф. Бродель). Деревенские дома практически не имеют «возраста»: на протяжении столетий они остаются неизменными. В отличие от них городская жилая среда динамично меняется: города перестраиваются, появляется регулярная застройка, в массовое употребление входит транспорт. Большое влияние на устройство жилища, его оформление, предметы обихода оказывает смена художественных стилей. Интерьеры и мебель, изменяющиеся от века к веку – привилегия элитарного образа жизни.

Завершающая глава каждого раздела – история костюма. Одежда, помимо своего прямого назначения, выполняет социальную, эстетическую, этическую функции. На протяжении многих веков она символизировала положение владельца, для чего вводились принудительно установленные статусные отличия. И в этом контексте любая деталь – пурпурная полоса или красные каблуки – могут дать содержательную характеристику времени. Начиная с эпохи Возрождения, европейский костюм – сфера динамически ритмизированная, в его стилистике выражается эстетический идеал эпохи. Стилистическая эволюция, характерная в первую очередь для элитарных слоев, распространялась, однако, в той или иной мере на всю городскую культуру, для которой характерны более простые, «сниженные» формы. Происходящий в финале этой эволюции «распад стилей», установившееся принципиальное единообразие свидетельствовали о демократизации костюма. Гражданское платье унифицируется, а мода из привилегии высшего сословия превращается в механизм социального регулирования.

Завершая введение, следует отметить, что данная книга представляет собой первый опыт систематического изложения истории повседневности. Речь идет не о новизне предлагаемого читателю эмпирического материала¹, а только о его системности, определенной структурной целостности и собственной логике изложения. Выстроенный подобным образом, он дает возможность по-новому взглянуть на феномен повседневного. Интерес к нему общества понятен в свете реалий современности: это внимание к сфере человеческого бытия, потребность в гуманизации технизированной среды, распространение постмодернистского «духа ретро» с его «тоской по истории», поиском утраченных корней. Вновь и вновь возвращаемся мы в свою повседневность, обретая самих себя. Человек нуждается в ней как в своей естественной «среде обитания», как в воздухе, которым дышит, не замечая этого. Недаром, говоря о теме повседневности, обращение к ней социологи именуют «возвращением домой» (А. Шютц).

Цель данной книги – показать становление западноевропейской цивилизации, ее «историю», прослеженную на уровне повседневности. Длющаяся бесконечно, она повторяется из века в век и от поколения к поколению, медленно эволюционируя вместе с самим человечеством.

Этим путем предлагает автор пройти читателю нашей книги. Она предназначена для тех, кто изучает или преподаёт историю культуры, а также для всех читателей, интересующихся ею.

¹ Он давно уже был известен отечественным специалистам, посвятившим свои исследования тем или иным историческим периодам, странам, аспектам истории культуры. Зачастую повседневность присутствует в их работах как исторический фон, а не как объект изучения. Среди известных исследователей – Баткин Л.М., Брагина Л.М., Бессмертный Ю.А., Гуревич А.Я., Карсавин Л.П., Кнабе Г.С., Лотман Ю.М., Мерцалова М. Н., Ястребицкая А.Л. Многие из трудов этих авторов, ставшие классическими, неоднократно цитируются и используются в данной книге.

Раздел I Античный мир

Античная Греция

Гомеровская Греция (XII–VIII вв. до н. э.) и архаика (VII–VI вв. до н. э.)

Эпоху античной полисной цивилизации предваряет период Гомеровской Греции. Главными письменными источниками исторических сведений о греческом обществе являются поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Общество того времени – переходное; оно представляет собой сложную организацию с признаками имущественной и социальной дифференциации. Различают несколько групп: знать, рядовые общинники, беднейшие члены общины (поденщики-феты), рабы. Родовая знать, как их называет Гомер, – «лучшие», «добрые», противопоставляется «низким», «скверным» людям – рядовым общинникам. Претензии на особое положение аристократия обосновывает своим якобы божественным происхождением: «богом рожденные» и «богом вскормленные». Богатство обеспечивает ей командные позиции как в военное, так и в мирное время.

Освященным традицией институтом, средоточием политической власти уже в гомеровское время является народное собрание. Политический строй гомеровского общества – восходящая к общим индоевропейским корням военная демократия, для которой характерно всеобщее вооружение народа. Наряду с элементами народовластия эта система подразумевает и личную власть, которая принадлежит «царям», т. е. предводителям племен и родов, племенным вождям – *басилеям* (басилевсам).

Повседневная жизнь того времени примитивна и груба. Аристократы так же, как и простые общинники, занимались физическим трудом. Они сеяли, пахали, женщины ткали, пряли, стирали белье.

Следующий период развития Греции – архаика – время коренной ломки устоявшегося жизненного уклада и изменения всей системы ценностей. За два века Греция сделала решительный шаг от варварства «героической эпохи» к цивилизации нового типа. Важные сдвиги происходят на фоне широкой территориальной экспансии греков, названной «великой колонизацией». Ее главная причина – перенаселенность материковой Греции. Переселенческая волна в VIII в. покатила прежде всего на запад, в Италию и Сицилию (юг Италии был буквально усеян греческими поселениями) и далее вдоль побережья Южной Франции и Испании. Она распространилась также на северное побережье Черного моря, где было основано много больших колоний, достигла Малой Азии и Египта.

Колонии и метрополия поддерживали прочные дружественные отношения, войны и распри между ними были редки и считались нарушением обычаев. Колонии нуждались в простых предметах обихода: утвари, одежде, оружии, инструментах, а также в вине и оливковом масле. Это способствовало бурному развитию ремесел, торговли и мореплавания, которое, в свою очередь, требовало совершенствования в искусстве кораблестроения. Знакомство с иными культурными традициями, нравами, обычаями, религиями обогащало духовную жизнь греков. Особенно сильное влияние на греческую культуру оказали древние цивилизации Египта и Малой Азии.

Вместе с торговлей развиваются и товарно-денежные отношения, появляются (VII в. до н. э.) монеты². Все это ведет к расслоению общества, изменению его структуры: торговцы богатеют и делаются уважаемым классом, увеличивается число ремесленников и усиливается их влияние.

Важнейшая черта архаического периода – становление политической системы, возникновение городов-государств (*полисов*). Они создавались вследствие добровольного или принудительного объединения нескольких ранее независимых общин. Этот процесс получил название *синийкизма*. Основателем Афин считался легендарный царь Тесей, объединивший 12 сельских поселений. Полис конституируется как община равноправных граждан, коллективных собственников, владеющих землей, а позднее, в эпоху классического рабства, – рабами. Только принадлежность к общине дает право на владение собственностью и защищает ее.

Социальные перемены провоцируют противостояние аристократии и *демоса*. В каждом полисе эти проблемы решаются по-своему, с помощью тех или иных реформ. В Афинах они были проведены Солоном (VII–VI вв. до н. э.), выбранным архонтом. Самые значительные из них – списание долгов граждан и запрещение долгового рабства, а также введение имущественного ценза. Реформы, будучи компромиссом, не удовлетворили ни демос, ни аристократию. На волне этого недовольства приходят к власти тираны, самолично объявляя себя правителями и захватывая власть насильственным путем.

Классический период (V–IV вв. до н. э.) и эллинизм (III–I вв. до н. э.)

Основной чертой Греции этого периода являются классическое рабство – к V в. до н. э. эта система уже сложилась. Важнейшая отрасль экономики – сельское хозяйство, где господствует так называемая средиземноморская сельскохозяйственная триада – в основном выращиваются зерновые, оливки и виноград (производится виноградное вино). Появились большие ремесленные мастерские (*эргастерии*), где работали сотни рабов, но были и маленькие, в которых трудились сам хозяин и один-два раба. Бурно развиваются ремесла и строительство. После разрушительных греко-персидских войн многие города в Греции нужно было отстраивать чуть ли не заново. Афины становятся «мастерской мира», поставляя в другие страны первоклассные товары, например, керамику. Прибрежные полисы создают военно-морской и торговый флот.

Параллельно становлению классического рабства идет процесс демократизации, и в середине V в. до н. э. в Греции утвердился классическая форма античной демократии. Впервые в истории были не только сформулированы, но и получили реальное воплощение принципы народовластия. Два самых ярких примера политических систем того времени – Афины и Спарта. В Афинах сформировалась уравнительная система, так как все граждане, независимо от богатства или знатности, имели равные права: свободу слова, равенство перед законом и в занятии должностей. Эклесию (народное собрание) Афин, являющуюся высшим органом власти, характеризует исключительная для Древнего мира суверенность: никто не мог ограничить ее компетенцию. Единственный метод воздействия на собрание – убеждение, и потому люди, владевшие ораторским искусством (*демагоги*), становились народными вождями. Гражданами являлись только свободнорожденные жители города (мужчины старше 20 лет). Таким образом, бесправными оставались женщины, иноземцы (*метеки*) и рабы.

Истоки спартанской политической системы коренятся в истории образования Спарты: когда племена дорийцев заняли Пелопоннесский полуостров, они превратили в рабов покоренное местное население (*илотов*). Спарта – подчеркнуто аристократическое государство. Спартиаты – профессиональные воины, не занимающиеся физическим трудом. Чтобы обеспечить

² Считается, что их начали чеканить лидийские цари, которые славились своим богатством, а имя одного из них стало нарицательным – «богат, как Крез».

им пропитание, всю землю поделили на участки, закрепив их за семьями. Народное собрание – *апелла* – не играло существенной роли. Формально власть принадлежала двум спартанским царям, но существовали важные должности *эфоров* (судей), а также *герусия* – совет, куда, кроме царей, входили 28 старейшин, знатных спартиатов в возрасте старше 60 лет.

В начале V в. до н. э. Персия, сильнейшая держава Древнего мира, начинает экспансию на запад. Грекоперсидские войны (500–449 гг. до н. э.) известны своими драматическими эпизодами: героической обороной Фермопил и гибелью там 300 спартанцев во главе с царем Леонидом, разрушением Афин, морским сражением у о. Саламин, описанным Эсхилом. Победы, одержанные греками, отразившими агрессию, придали высокий настрой классическому периоду. Афины переживают свой экономический, политический и культурный расцвет, становятся центром греческого мира. В это время, названное по имени крупнейшего афинского государственного деятеля «эпохой Перикла», создается классическая культура античной цивилизации, в частности такие знаменитые памятники архитектуры, как Парфенон, Пропилеи и др.

Далее начинаются конфликты между двумя союзами греческих полисов: Пелопоннесским союзом (во главе со Спартой) и Афинской архе (во главе с Афинами). Пелопоннесская война, длившаяся почти 30 лет, стала величайшим потрясением для эллинов, «учителем насилия», по словам Фукидида. После победы Спарта захватила полную власть над полисами. В IV в. до н. э. Афины постепенно оправляются от поражения, на главенство претендуют и другие полисы, в частности Фивы. Войны становятся все ожесточеннее и глобальнее, в них втягиваются все новые города, полисы слабеют, не замечая растущую опасность со стороны усиливающейся Македонии. После проигранной битвы объединенного греческого войска с македонцами в 338 г. до н. э. у города Херонеи греческие государства фактически потеряли свободу. Верховная власть окончательно перешла к Македонии несколько лет спустя, когда Александр Македонский безжалостно подавил восстание в Фивах, отдав их на разграбление.

Эпоха эллинизма начинается походами Александра Македонского (356–323 гг. до н. э.), великого полководца древности. Ему, по сути, понадобилось всего три года, чтобы завоевать Персидское царство. Он совершает легендарные походы в Египет, Индию и завоевывает огромные территории: от Дуная до Инда и от Египта до Средней Азии. После смерти Александра власть перешла в руки его ближайших преемников-полководцев, которые почти полвека сражались между собой за раздел наследия (борьба *диадхов*). Держава, созданная Александром, – самое крупное государство Древнего мира, завершающее историю классической Греции и Древнего Востока, – распалась после его смерти на ряд эллинистических царств: Птолемеевский Египет, монархию Селевкидов в Малой Азии, царство Антигонидов, включавшее Грецию, Македонию и ряд других.

Эллинистическая монархия соединяла элементы восточной деспотии – обожествляемую власть царя, имеющего постоянную армию и администрацию, – и полисного устройства.

Греция переживает экономический упадок, а ее население заметно сокращается. Отныне она становится бедной страной с малочисленным населением, сохранившей, тем не менее, замечательные памятники культуры. Почти все крупные центры, где продолжает развиваться греческая культура, торговля и ремесла, находятся за ее пределами. На западе растет и крепнет Рим. Отдельные полисы не могут противостоять экспансии Римской державы. Покоренная Греция в середине II в. до н. э. превратилось в одну из римских провинций – Ахайю. Последним пал Птолемеевский Египет. На месте эллинистических монархий возникли обширные римские провинции.

Глава 1

Агональность греческого мира

Агон и досуг

Одной из важнейших характеристик, определяющей наиболее существенные черты греческой культуры, является агональность³. *Агон*, *агональность* – это состязание, состязательность, «игра» в широком смысле слова. В Греции агон уже на раннем этапе истории занимает важное место, имеет высокий статус. Стремление к состязаниям почти во всех сферах жизни становится главным принципом греческого общества, структурообразующим элементом общественной жизни. «У греков было принято состязаться во всем, что заключало в себе возможность борьбы»⁴. Агон и агонистика формируют повседневную жизнь, превращаясь в традицию, глубоко укоренившуюся в обществе. Агональность присутствует в политической, военной и правовой сферах, это состязание в мудрости, мужестве, богатстве, красноречии. В агоне и из агона рождается греческая философия. Классическими примерами могут служить диалектика, которая первоначально воспринималась и трактовалась как «искусство нахождения истины через раскрытие противоречий в высказываниях», а также философские диалоги (например, диалоги Платона), вытесненные в эпоху эллинизма диатрибами⁵. Параллельно развивается риторика. Декламация празднует в античной Греции победу. Выступления, в том числе на народных собраниях, – это состязание в красноречии, спектакль, поединок: кто из ораторов окажется наиболее доказательным или просто больше понравится публике, кто убедит собрание, за кем пойдет народ.

В сфере быта агон проявляется в виде коллективных развлечений. Большой популярностью на пирах пользуются всевозможные состязания в остроумии, шарады, загадки, такие, как *апории* – вопросы, на которые нет однозначного ответа. Агон, постоянно присутствующий в обычной жизни, выражался в разных формах. Например, раз в год на празднике, посвященном Деметре, проводился конкурс младенцев: все дети, рожденные в течение года, представлялись на суд жюри, и матери самого красивого младенца присуждался приз. Дух состязательности очень древний, он запечатлен в мифах, в том числе в легенде о Парисе, который должен был присудить яблоко красивейшей, или об Арахне, состязавшейся с Афиной в искусстве прядения. Агональный характер греческой культуры ярко проявлялся в греческом театре и спортивных играх, в певческих, музыкальных и танцевальных состязаниях.

Агон тесно связан с феноменом досуга. Досуг воспринимался греками не в узкоутилитарном смысле физического отдыха, восстановления утраченных сил. Это была самоценная и самодостаточная сфера существования – высокий Досуг. Исключив тяжелый физический труд и вообще всякий труд, цель которого – «зарабатывание» на жизнь, эллинские граждане освободились для более высоких, по их мнению, занятий: искусством, спортом, интеллектуальной деятельностью. Поэтому досуг в греческом обществе рассматривался как конечная цель существования благородных греков – «людей свободнорожденных и культурных». Аристотель писал, что досуг включает в самом себе и наслаждение, и блаженство, и счастливую жизнь и предназначен незанятым людям, тем, кто может им пользоваться⁶. Высокий Досуг заполнялся

³ Понятие «агонального» ввел в научный обиход Я.Буркхардт.

⁴ Хейзинга Й. *Homo Ludens*. М., 1992.

⁵ Диатрибы – назидательные беседы, философско-моральные проповеди.

⁶ Концепция досуга сформулирована в работе Аристотеля «Политика» (Аристотель. Соч. М., 1984. Т. 4).

разнообразными занятиями: литературой, философией, искусствами, дружеским общением на симпозионах. Интеллектуальные ценности доступны далеко не всем, на среднем уровне они вытеснялись уже привычными и потому будничными занятиями спортом, пребыванием в гимназиях и на агоре.

Существовали и другие виды отдыха: игра в кости, петейя (игра, похожая на шашки или шахматы, ее правила не сохранились). Популярны были такие азартные игры, как бои животных (петухов, перепелов, кошек, собак), на которых имелся тотализатор и можно было проиграть или выиграть крупное состояние. Например, в петушиных боях участвовали специально выращенные бойцовые петухи, которых перед состязанием откармливали чесноком, на них надевали бронзовые шпоры. Бои происходили на специальных столах, за ними наблюдали судьи и многочисленные болельщики, делавшие крупные ставки. Все это были бытовые развлечения, не носившие сакрального оттенка.

Праздники

Все праздники в Греции связаны с *триединой хореей* – пением, музыкой (игрой на музыкальных инструментах), танцем. Им покровительствует Аполлон Мусагет – водитель муз. Музыкой и пением руководят Эрато, Эвтерпа, Полигимния, танцем – Терпсихора. Музыка для греков – сложное понятие, в которое входили, помимо собственно игры на музыкальных инструментах, пения и танца, также другие виды искусства: поэзия, эпос, трагедия и даже история. Они назывались мусическими и были подвластны Аполлону, так как первоначально поэзия, эпос, другие литературные произведения так же, как и история, рассказывались вслух, декламировались и пелись. Мусические искусства обладали более высоким статусом, чем пластические и механические. Как писал Плутарх, у греков музыка «была всецело приурочена к почитанию богов и воспитанию юношества:...правильно воспитанный человек, с детства слушавший музыку, не совершит бесчестного поступка, его действия всегда будут гармоничны, соразмерны, по своей натуре он будет добрым человеком»⁷. В античный период в Греции зарождается теория музыки, возникают музыкальные школы.

Пение и музыка были широко распространены в повседневной жизни античного человека: под музыку гребли, вращали жернова, месили тесто, толкли зерно в ступах, давили виноград. Под звуки флейты даже наказывали рабов – пороли их розгами. В армии музыкальные инструменты задавали ритм на марше или поддерживали боевой дух в сражении. Из всего многообразия песен можно выделить профессиональные, бытовые, культовые. Первые помогали в труде, делая движения ритмичными и равномерными. Часто устраивались состязания певцов, приуроченные к профессиональным праздникам. Ко второму виду относятся колыбельные, свадебные, застольные, погребальные и др. Например гименей, с которым провожали молодых к их дому, или эпиталамы, исполнявшиеся перед покоем новобрачных. Сколии, короткие застольные песни, обычно литературно обрабатывались, и многие поэты были известны именно благодаря обработке песен, например Анакреонт. Культовыми являлись пеаны, прославлявшие Аполлона, или дифирамбы в честь Диониса. Они до настоящего времени сохранили первоначальное значение – восхваление какой-то персоны либо какого-нибудь явления.

Существовали различные ударные музыкальные инструменты – кимвалы, диски, тимпаны (род бубнов). На них играли во время праздников, посвященных Дионису или фригийской богине Кибеле, имевших оргиастический характер. Были распространены струнные инструменты – кифара, арфа, лира, которую, по преданию, изобрел Гермес, а потом уступил ее Аполлону. Аполлон чаще всего изображался с кифарой. Первоначально эти инструменты греки делали из панциря черепахи, натягивая жилые, кишечные или льняные струны. Позд-

⁷ Плутарх. О музыке. П., 1922.

нее стали применять дерево и металл, отделку из бронзы и серебра. К духовым относят флейту, а также всевозможные свирели из тростника. По легенде, изобретение свирели приписывается богу Пану. В армии широко использовались трубы. В мирной жизни под их звуки оглашали важные известия, имена победителей спортивных состязаний и театральных действ. Был изобретен водяной орган. Возможно, его музыка сопровождала театральные представления.

Греческий танец ритмичен, а его формы разнообразны: от торжественных и строгих до свободных, шуточных и быстрых. Сопровождавшие Диониса (Вакха) на посвященных ему праздниках менады известны неистовыми танцами, песнями и разгулом. Во время этих праздников они в безумном ослеплении, опьянев от вина, сокрушали все на своем пути («Вакханки» Эврипида). Хоровод – один из типичных видов танца, чаще всего исполнялся в торжественных случаях, например хоровод в Панафинеях, сцены которого изображены на фризе Парфенона. Из Спарты в другие греческие государства пришла пирриха – военный танец, исполнявшийся воинами в полном вооружении. В нем они мимически изображали сцены боя, имитируя движения, которые обычно делали в бою. Танцы могли быть и очень грубыми, развязными, например ионийский танец.

К танцам близки мимы. Вначале они являлись элементом фольклора, неким действием, где соединялись танец и пение. Позднее их стали литературно обрабатывать, что сделало их крайне популярными, особенно в период эллинизма. К танцорам, исполнителям мимов, предъявлялись высокие требования, описание которых содержится, в частности, у Лукиана в «Диалогах о танце»⁸. Танцор должен быть не очень высок, но и не мал, не толст и не худ, с соразмерным телосложением. Кроме того, помимо необходимых физических данных, он должен обладать хорошим вкусом, прекрасной памятью, развитым интеллектом, чтобы суметь отобрать тот сценический материал, который понравится публике.

В Афинах первым по значению общеэллинским праздником, родившимся из народных торжеств, были Панафинеи. Смысл его состоял в почитании и прославлении богини-покровительницы, и потому кульминационным моментом являлось приношение ей даров и жертвенных животных. Афине передавали в дар новый пеплос, вытканый афинскими девушками. Его водружали на корабль, который ставили на колеса и торжественно провозили по всему городу. Шествие направлялось к храму Эрехтейону на Акрополе. В жертву приносилось 100 быков, после чего начинался всенародный пир. Праздник проводился в гекатомбионе, первом месяце эллинского года, и потому жертва Афине получила в истории название *гекатомба*. Дни торжеств были посвящены всевозможным состязаниям в спортивных играх, мусических искусствах, чтении поэм Гомера. В последний день проводились гонки на кораблях-триерах в память о военачальнике и мореплавателе Фемистокле.

Знаменитые Элевсинские *мистерии* были посвящены Деметре и ее дочери Персефоне. Они начинались торжественным шествием, затем в подземном Элев-синском храме разыгрывалось представление – инсценировка мифа о Деметре и Персефоне. Культ этих богинь – таинственный, мистический, и поэтому к участию в Элевсинских мистериях допускались только избранные («мист» означает посвященный), т. е. прошедшие определенные обряды. Последние в принципе были доступны всем (кроме запятнавших себя преступлениями) и состояли в молитвах, посте, омовении и различных испытаниях.

Ряд праздников был посвящен Дионису, богу виноградарства и виноделия. Дионисийских праздников много, на протяжении года они как бы сопровождали годовой цикл выращивания винограда и производства вина. Важнейших из них пять: в декабре – Малые, или Сельские, Дионисии, в январе – Ленеи, в январе – феврале – Антистерии, в марте – апреле – Великие, или Городские, Дионисии, в октябре – Осхофории. Отмечали их по-разному. В

⁸ «Диалоги о танце» – произведение II в. н. э., и потому требования к танцору, выдвигаемые Лукианом, могли отличаться от тех, что появились в классическую эпоху.

Малые Дионисии дегустировали молодое вино. Мужчины состязались в ловкости и силе в простом, бытовом агоне, например, как можно дольше удержаться на бурдюке с вином. Для девушек сооружали качели в память о дочери первого виноградаря и винодела. В Антистерии поминали умерших (одновременно это праздник цветов), и потому храм Диониса, так же как и другие, бывал закрыт. Их называли также «праздником горшков» по последнему дню, когда приглашали умерших за столы, ставя горшки с угощением. Самый большой праздник – Великие Дионисии, знаменовавшие собой окончательную победу весны. В VI в. тиран Писистрат сделал их общегосударственными, и с тех пор в Афинах это второй по значимости праздник, общий для всего населения Эллады.

Театр

В VI в. до н. э. зарождается такой вид искусства, как театр, возникший на основе триединой хореи и эпической поэзии. Древняя драматургия – священное действо, которое разыгрывается перед зрителями, вид богослужения. В Греции театральные представления давались два раза в год: на Великие Дионисии и на Ленеи. Великие Дионисии первоначально продолжались пять дней, а позднее – шесть. Первый день – открытие праздника. В этот день приносят в жертву козла и торжественная процессия проходит по строго определенному маршруту, неся статую бога Диониса: исполняются дифирамбы, прославляющие его. Второй день был посвящен состязанию хоров юношей и мужчин. На третий играли комедии, в остальные три дня – трагедии. В последний день оглашали имена победителей, награждали их призами.

В связи с популярностью театральных представлений возник определенный тип здания, который, с известными модификациями, существует и в настоящее время. Все началось с маленькой площадки, имевшей круглую форму (*орхестры*), где находился алтарь Диониса, выступал хор и пелись дифирамбы. Пение сопровождалось танцами. Для удобства зрителей, располагавшихся первоначально на земле, оркестру устраивали у подножия какого-либо холма. Склон холма с деревянными, а затем и каменными скамьями получил название *театрона*. Он окружал две трети орхестры и делился на ярусы и клинья. Каменный театр Диониса в Афинах, построенный в IV в. до н. э. на склоне Акрополя, стал образцом для всех греческих театров. Он был рассчитан на 17 тыс. зрителей и потому считался одним из крупнейших в Греции.

Во второй половине V в. до н. э. завершилось оформление пространственной организации театра. По предложению Эсхила за оркестрой было построено крытое помещение для переодевания актеров и хранения театрального реквизита – *скена*. Передняя стена сены стала постепенно декорироваться и служить задником для изображаемого действия. Перед сеной сооружались подмостки – *проскениум*, на которых играли актеры. Все три части античного театра – оркестра, сцена с проскениумом и театрон – сохранились до настоящего времени и сейчас являются основными элементами театрального здания. Уже в эпоху античности в театре начинают использовать технические приспособления: движущиеся платформы, лебедку, тросы, чтобы поднимать и опускать актеров⁹, другие инженерные приспособления.

Агональный характер театрального действия проявился уже с самого начала – с конкурсного отбора пьес. Драматург представлял тетralогию, состоявшую из трех трагедий и одной сатировой драмы. (Помимо самого драматургического материала автор должен был предъявить свидетельство о благонадежности, своеобразную характеристику Древнего мира о том, что он не запятнан незаконными действиями.) Власти назначали богатого гражданина, отвечающего за постановку, – *хорега* (в современной трактовке – продюсера), который вкладывал в нее собственные средства, что являлось одним из видов *литургии*¹⁰: он финансировал прове-

⁹ Например, герой, отправляясь на Олимп, поднимался на тросах вверх.

¹⁰ Государственная денежная повинность богатых людей.

дение всех подготовительных мероприятий, содержал хор, музыкантов, приобретал костюмы и необходимый реквизит, оплачивал репетиции и т. д. Получить подобную литургию, стать хорегом было очень престижно. Знатные люди нередко состязались между собой за эту привилегию, а также за наилучшую постановку. Выбирались судьи. Каждая из фил (территориальное деление Афин) выдвигала своего кандидата в это своеобразное жюри. Оно присуждало призы лучшему хорегу, драматургу, актеру. На празднике игралось 5–6 спектаклей в день, и зрители с утра до вечера смотрели представления.

В VI в. до н. э. появился первый актер. Инициатором этого новшества был поэт Фиспид Афинский, предложивший, чтобы один человек вел диалог с хором. Эсхил предложил ввести второго актера, а Софокл – третьего. На сцене выступали только мужчины.

Действие было условным, актеры использовали особую одежду, специальную символику жестов и предметов. В частности, у сценической одежды имелись рукава, что было непривычно для греков. У каждого персонажа были определенные атрибуты, и зрители знали, что означает любой предмет. Например, путешественник или посол держал в руках посох, царь – скипетр, а герой, обращаясь к богам, – оливковую ветвь. В сатировской драме хор был одет в козлиные шкуры, а в комедиях актеры выступали в обычном костюме, но с элементами, гротескно утрировавшими физические недостатки или откровенно демонстрировавшими уродства людей: прикреплялись специальные кожаные зады, животы, фаллосы.

Обязательным атрибутом греческого театра были маски, которые обычно делались из полотна и гипса, к ним крепился парик. Они представляли типические образы: «молодой красивый мужчина», «свободнорожденная женщина», «скупой отец» и т. п. Для обеспечения лучшей акустики маска имела отверстие для рта с раструбом, создающим эффект рупора. В трагедии фигура актера должна была быть внушительной, поэтому он обматывал себя тканью, надевал обувь на высокой подошве – *котурны*. (С древнейших времен сохранилось выражение «встать на котурны», т. е. принять неестественное положение, обозначающее ложное, показное величие.) Только в комедиях периода эллинизма актеры начали отказываться от неестественных условных костюмов и играть в обычной одежде.

Лучшие места в первом ряду предоставлялись наиболее уважаемым гражданам, руководителям города, иностранным послам – так называемое право *проэдрии* (право на занятие лучших мест имели и дети героев). Место в центре принадлежало жрецу Диониса. По греческим канонам в театре не могли изображаться жестокость, убийства и насилие. Охранительные тенденции общества проявились также в запрете женщинам и детям посещать комедии, отличавшиеся вольным содержанием. Вначале представления были бесплатными, желающих оказывалось так много, что приходилось занимать места задолго до начала (хозяева посылали своих рабов). Позднее вход в театр стал платным, выдавались специальные билеты. Для того чтобы сделать спектакли доступными для всех граждан, во времена Перикла было введено пособие (*террикон*) на посещение театра для малоимущих, которые, присутствуя целый день на представлениях, теряли свой дневной заработок. Театр эпохи эллинизма утрачивает свой сакральный дух. Представления начинают устраивать по любому поводу, и они приобретают зрелищный характер.

Спорт

Греки много и активно занимались спортом, превратив его в сложную систему, игравшую важную роль в жизни греческого общества. В этом феномене отразились исторические и социальные реалии античности. Войны – постоянный лейтмотив эпохи. Победу одерживает сильный, крепкий, закаленный боец. Военная служба, являвшаяся обязанностью каждого гражданина, требовала хорошей физической формы, а спорт давал возможности для ее поддержания.

И в героическое и в классическое время образ жизни молодых аристократов был подчинен этой цели, и потому приоритет отдавался специальной спортивной подготовке как средству воспитания мужества, достижения высокого уровня физической формы.

Спорт связан и с таким фундаментальным понятием древнегреческой культуры, как *арете* – доблесть. Оно возникло в гомеровскую эпоху, и первоначально означало воинскую доблесть, физическую силу, умение владеть оружием, мужество и храбрость в бою. В дальнейшем арете сохраняется почти неизменным только у спартанцев. Именно они культивировали доблесть в качестве исключительно воинской добродетели. В других полисах, не отличавшихся столь ярко выраженным воинственным характером, она рассматривается в более широком плане: не только как воинская, но и как гражданская доблесть, например победы в спортивных и мусических состязаниях.

Свободное время, т. е. время, не занятое политикой, ремеслом, бытовыми проблемами, греки проводят в гимнасиях и палестрах. *Гимнасия*, или гимнасий, – многофункциональное заведение, предназначенное как для спорта, так и для учебы, занятий науками, отдыха. *Палестры* – это спортивные залы, которые строились отдельно, либо входили в состав гимнасия. Последний состоял из раздевалки, бань с холодной и горячей водой, комнаты для натирания маслом и песком, зала (залов) для гимнастических упражнений, комнат для отдыха и общения, где можно было также послушать выступления риторов, философов. Эти же помещения предназначались для занятий наукой, в них проходили обучение дети, подростки и юноши. Рабам в гимнасий или палестру вход для занятий был запрещен, они допускались туда только для сопровождения гражданина. В гимнасиях греки занимались всевозможными упражнениями, это могли быть кулачный бой, вольная борьба, бег, прыжки, игра в мяч. Последняя считалась самым демократичным видом спорта, поскольку не требовала сложных приготовлений и играли в нее командой, а не индивидуально.

Греки занимались спортом и состязались обнаженными. Они были *гимнофилами* и считали, что нагота символизирует простой и здоровый образ жизни, приличествуя не только спортивным, но и другим занятиям. Это было древней традицией. Для Греции, как и в целом для античной культуры, характерен культ обнаженного тела. Ухаживая за телом, спортсмены натирали его маслом. Купание ради удовольствия было чуждо эллинам, оно носило утилитарный смысл: смыть грязь, песок, масло после занятий спортом. Греки считали, что купаться следует только в холодной воде, особенно строги были в этом спартанцы, отрицательно относившиеся к любому комфорту. Обычно греки принимали ванну, она известна с древнейших времен и описана еще в поэмах Гомера. В некоторых городах были частные или городские бани, предназначавшиеся для малоимущих горожан, не имевших дома ванн.

Спортивные игры так же, как и другие праздники Древней Греции, были посвящены богам. Никто не знает, когда именно зародилась традиция агональных спортивных состязаний, но существует историческая дата, считающаяся годом проведения первых Олимпийских игр – 776 г. до н. э. Спортивных праздников в Греции было много, но ни один не мог сравниться по своему масштабу и значимости с Олимпийскими играми. По ним греки исчисляли время. Этот метод разработал историк Тимей Афинский. Дата определялась по четырехлетнему олимпийскому циклу (например, третий год восьмой Олимпиады). На время игр объявлялся «священный мир», так называемая *экихирея*, длящаяся обычно два месяца. В них входили непосредственно дни игр, время пути спортсменов до Олимпии и обратно, а также время, необходимое для тренировок. Экихирея – это проявление гуманизма в эллинском мире, «соревнование за славу без пролития крови». Олимпийские игры были посвящены главному олимпийскому богу – Зевсу, который олицетворял мужское начало, воинскую доблесть. Присутствие женщин было несовместимо с мужским священнодействием, могло оскорбить божества, и поэтому женщины не допускались на соревнования.

Праздник длился несколько дней и обставлялся очень торжественно. В первый день совершалось торжественное шествие к священной роще, где приносилась жертва Зевсу, спортсмены давали клятву сражаться честно. В программу соревнований входило несколько видов спорта: прыжки, бег, метание диска, копья и борьба; к ним позднее добавились гонки на колесницах. Состязались только ради славы, и поэтому награда была простой, чисто символической – оливковый венок (на других состязаниях могли присудить венок из сельдерея, мирта, ветвей сосны и т. п.). Победитель получал звание *олимпионика* и мог принести жертву в священной роще, он имел право поставить статую, посвященную этому виду спорта, и выбить на ней свое имя.

Стать олимпиоником было чрезвычайно почетно, во многих греческих полисах они освобождались от налогов, каждое местечко, деревня или город хотели бы иметь в числе своих жителей героев. (В Спарте они получали особую награду – сражаться в первых рядах войска рядом с царем.) Спортсмены, уличенные в нечестной борьбе, наказывались не только штрафом – такой человек был опозорен на всю жизнь: имена клятвопреступников увековечивались на символических изображениях отдельных видов спорта.

Первоначально в играх участвовали в основном аристократы, так как для этого требовалась особая подготовка. Для путешествия в Олимпию и пребывания там необходимы были средства, доступные лишь состоятельным людям. Стать участником игр в классическую эпоху мог только гражданин, ни рабы, ни иноземцы к состязаниям не допускались. С IV в. до н. э. возникает система профессионального атлетизма, когда города начинают все более щедро финансировать своих победителей (претендентов на победу). Атлетизм, вытесняя любительский массовый спорт, подрывал сам институт спортивного агона как сакральной ценности греческого полиса. В том же направлении действовал и допуск к участию в играх иноземцев, начавшийся с эпохи эллинизма.

Помимо олимпийских существовало еще множество спортивных состязаний как общеэллинского, так и местного значения. Среди крупнейших из них – Пифийские игры, посвященные Аполлону, Истмийские – в честь Посейдона, Немейские – в честь Зевса. Как правило, они проходили раз в два года, и на некоторые из них тоже распространялся обычай экихирии. Однако ни один другой спортивный агон не достиг уровня Олимпиад, ставших символом греческой античности. Олимпиады, просуществовавшие около двенадцати веков (за это время было проведено 290 состязаний), являются одной из фундаментальных культурных традиций этой цивилизации.

Глава 2

Свободные и рабы

Становление системы

Рабство – господствующая в Древнем мире система социальных отношений, первая историческая форма эксплуатации и угнетения. Античный тип рабства характеризуется широким развитием личного рабовладения, хотя есть и иные собственники – государство, храмы, общины, города.

В своем развитии институт античного рабства проходит ряд этапов, главными из которых становятся два: патриархальное и классическое рабство. Первый тип рабства существовал практически у всех народов на этапе разложения родового строя. В Древней Греции он относится к гомеровскому периоду. «Мужчины убиты оружием, дома превращаются в пепел, дети уводятся в плен и пышно одетые жены», – пишет об этом Гомер. Классические примеры дают литературные образы: это троянки, которых увозят в качестве добычи от родных берегов, Андромаха, доставшаяся сыну убийцы своего мужа, старая Гекуба, прошедшая скорбный путь от трона до могилы через рабство: «Увы, увы, какое зло рабам быть, терпеть приходится, чего терпеть нельзя. Насилие сломило нас». Рабство этого типа – примитивное, домашнее: раб являлся членом владевшей им семьи, хотя и бесправным, а дети, рожденные в неволе, могли обрести свободу. Отношение к рабам еще не было жестоким, а эксплуатация – безжалостной: хозяин трудится вместе со своим рабом, сидит с ним за одним столом, раб не отделен от свободного гражданина непроходимой стеной, их связывают патриархальные отношения.

В период архаики параллельно процессу демократизации происходит становление системы классического рабства. Основной производительной силой здесь является раб, и во всех отраслях хозяйства наряду с трудом свободного человека находит широкое применение рабский труд. Число рабов в Аттике на протяжении V в. до н. э. стремительно растет. Рабы в большинстве своем были из других стран (не греки), в результате понятия «раб» и «варвар» отождествляются, формируется эллинский «национализм».

Огромный контингент рабов рекрутируется в основном из четырех источников: обращение в плен в результате военного поражения; пиратство и похищение людей; торговля живым товаром и рождение рабов в неволе¹¹. Первый и главный источник – война и военные поражения. Начиная с греко-персидских войн и сражений Александра Македонского до последних дней существования свободной Греции войны составляли историческую канву, традиционный фон повседневной жизни. В различных полисах появлялось все больше рабов-военнопленных, добытых на полях сражений, а рабство рассматривалось как закономерный результат военных побед. Как писал Аристотель¹², война считалась законной при единственной цели – сделать побежденных рабами.

Отношение к побежденным не зависело от того, к какому полису они принадлежат, являются ли они греками или представителями другого этноса. Результат поражения был всегда одинаков: мужчин убивали или делали невольниками, женщины и дети продавались в рабство. Так, в 413 г. до н. э. 7 тыс. свободных афинских граждан попали в плен к сиракузцам, были превращены в рабов и отправлены в каменоломни¹³. Жители Платеи, которые сдались Спарте,

¹¹ Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941.

¹² Аристотель. Цит. соч.

¹³ Фукидид. История. Л., 1981.

заплатили полную дань войне: мужчины были убиты, а женщины вместе с детьми проданы в рабство. Даже Платон, проданный по приказу тирана Дионисия, признавая, что рабство – результат человеческого насилия и произвола, возлагал ответственность за это не на общество, а на личную судьбу человека.

Изрезанные берега и отсутствие надежной охраны делали население большинства прибрежных территорий легкой добычей пиратов. Официально пиратство было под запретом, оно сурово каралось, но тем не менее находилась масса лазеек для того, чтобы сбывать похищенных людей.

В отдельных полисах имелись и другие возможности лишиться свободы. Например, обычной практикой являлось подкидывание и продажа детей. (Исключение составляли лишь Афины, где по реформе Солона продажа собственных детей была запрещена, кроме «дочерей, которые дали себя совратить».)

Торговля рабами процветала по всему побережью, где находились греческие колонии. Отношение к рабам было различным в зависимости от их происхождения. Рабы с севера (север для Греции – Восточная Европа, в том числе Крым, Причерноморье) были грубы и необразованны и ценились низко. Более выгодным товаром являлись рабы из Азии: там народ был приучен к повиновению длительными деспотическими режимами, и в то же время азиаты имели давние культурные традиции, знали ремесла, умели угождать. Больше всего ценились сами греки, которые платили дань Востоку своими искусными ремесленниками, танцовщицами, гетерами, музыкантами. Полисы покровительствовали торговле рабами, так как она была обложена высоким акцизом и давала государству большую прибыль. Афины, например, соперничали с другими признанными центрами работорговли – Кипром, Эфесом, Самосом, Хиосом. В самом центре рынка было огорожено место, где рядом продавались утварь и «живые тела», и под угрозой лишения гражданства запрещалось чинить препятствия и притеснять торговцев рабами.

Еще одним вторичным источником рабства, наряду с торговлей, являлось рождение в неволе. Дети рабов в классический период неизбежно повторяли участь своих родителей. Рабы, рожденные в доме, так и назывались – доморощенными. Вырастить их было достаточно дорого, к тому же рождение в неволе формировало в них изначально комплекс отрицательных черт: лень, бестолковость, угодливость. Существовал в греческом языке эпитет, в дальнейшем обозначающий никчемного бездельника, – «трущийся дома лодырь» – именно так говорили о домашнем рабе. Для хозяина, бесспорно, более выгодной считалась покупка взрослого раба, и потому эти дети росли как сорная трава, ведь практически никто не занимался их воспитанием и обучением.

Рабство оказывало большое влияние на весь жизненный уклад греков. Рабы занимались любым производительным трудом: земледелием, скотоводством, ремеслом: в мастерских-эргастериях могли трудиться по 20–50 человек, а на отдельных крупных предприятиях – до 100–150 работников. На кораблях рабы заменяли гребцов, на рудниках и в каменоломнях выполняли все тяжелые работы, не требовавшие квалификации. (Туда отправляли либо беглых рабов, либо варваров с севера и запада, которые ни на что более не годились.)

Важной сферой применения рабского труда было домашнее хозяйство. В Греции классического периода не было вилл и дворцов, и потому для обслуживания скромных жилищ не требовалось большого количества рабов. Как гласило правило, сформулированное Аристотелем, «большое число прислуги представляет неудобство». Семья среднего достатка владела тремя–четырьмя рабами, бедные люди – одним. Отсутствие рабов служило достаточным доказательством крайней нищеты, и такой человек мог рассчитывать на помощь государства. Свободные граждане Греции, как правило, не выходили на улицу без раба, причем не только женщины, но и мужчины. (Без провожатого ходили только *параситы* – опустившиеся люди, которые предпочитали кормиться у кого-нибудь.) Раб должен был постоянно сопровождать своего господина,

в темное время суток освещать ему дорогу. В эпоху эллинизма простота уходит в прошлое. Аристократы демонстрируют свое богатство и вкус, приобретая красивых юношей и девушек для сопровождения и для обслуживания гостей.

В греческих полисах существовали государственные рабы, которые занимали самые низшие должности, например писцов, глашатаев, секретарей. Кроме того, они использовались на самых тяжелых, грязных и просто непопулярных работах: мощение улиц, уборка дорог, рынков, театров и т. п. Рабы служили палачами и тюремщиками, а также в качестве городской охраны: Афины имели полицию, состоящую из 1200 скифских стрелков. Постепенно рабы заняли все низшие ступени государственной службы, вытеснив свободных граждан. Храмы также имели собственных рабов. Многие граждане, желая почтить какого-либо бога или определенный храм, делали приношение рабами и рабынями. Иногда им давалась вольная, посвященная богам, и в этом случае вольноотпущенник должен был служить в храме.

Положение раба

Античная статистика, естественно, не может дать точных цифр относительно количества рабов, однако для общей характеристики тех или иных тенденций сведений достаточно. Рабов в целом было больше, чем гражданского населения, причем в Спарте их число в несколько раз превышало количество свободных.

Именно поэтому в Спарте применялись самые жесткие методы запугивания и подавления. Спартиаты всегда более, чем жители других полисов, боялись восстаний рабов и пытались их предотвратить. Они применяли разные методы, чтобы выделить из массы рабов самых смелых, умных, влиятельных и нейтрализовать их. О таких превентивных акциях сообщает, например, Фукидид: было объявлено, что лучшим рабам, которые оказали лакедемонянам наибольшие услуги в военном деле, будет дарована свобода. После того как 2 тыс. илотов были отобраны и торжественно обошли храмы, празднуя освобождение, они бесследно исчезли и больше никто их не видел. Методом подавления служили знаменитые криптии, на илотов объявлялась «охота» при вступлении эфоров в должность.

Практика освобождения рабов не являлась широко распространенной. Однако такие случаи не были и редкими: можно было освободить раба на определенных условиях – пребывание у хозяина до конца жизни, либо регулярные выплаты определенных сумм, если он займется ремеслом или торговлей (хозяин при этом получал бы большую часть доходов). Раб мог выкупить себя и самостоятельно, для чего необходимо было получить согласие господина. (Вольноотпущенник становился метеком и попадал под контроль государства.) Массовый отпуск на волю властями не поощрялся, но были и исключения. Например, в критических ситуациях, во время войн, всем давали оружие для защиты города, обещав в случае победы даровать свободу. В последний период существования свободной Греции, когда отдельные полисы пытались отразить экспансию Рима, прозвучал призыв к рабам о помощи, но было уже поздно. После поражения бывших хозяев продавали вместе с их рабами – ситуация казалась римлянам забавной.

В античном обществе высший закон для раба – его господин. Аристотель, давая определение его правового статуса, так пишет о нем: «Раб – одушевленная собственность и самое совершенное из орудий». Собственник живой «вещи» является для нее всем: душой, разумом, законом. «Владыку слушай, прав ли он или не прав», – гласит греческая максима. Рабы исключены из класса людей и подчиняются законам о вещах. Они лишены прав заключать брак, иметь семью и собственность. На практике строгость закона смягчалась: с разрешения хозяина они могли вступать в «брак», заниматься прибыльным делом.

Рабов старались выделить внешними признаками: грубой одеждой, бритой головой. Однако эти правила не везде соблюдались. Практически они по виду мало отличались от сво-

бодных: могли быть одеты бедно, в простую домотканую одежду, как бедные граждане, или же наоборот – щеголять в дорогой одежде, если принадлежали богатым семьям. Рабы участвовали в торжествах и развлечениях, не уступали дорогу свободным, вели себя бесцеремонно, т. е. позволяли себе многое из того, что было им по закону запрещено. Более того, иногда они совершали то, что не дозволялось даже свободному человеку: так, во многих пьесах раб распоряжался чужим состоянием, интриговал вместе с молодым господином, устраивал непристойные шутки, издевался над свободными людьми. Подобное могло происходить в том случае, если раба поощрял сам хозяин. Но не только. Рабы имели в афинском государстве такую свободу, которая была немыслима в других полисах. «Доходят даже до того, что рабам позволяют жить в роскоши и вести широкий образ жизни», – сетует Ксенофонт. Эсхин в одной из своих речей выводит образ государственного раба – богатого развратника, устраивающего петушинные бои.

Согласно традиции, рабы имели убежища, где они были неприкосновенны, – храмы, священные рощи, алтари. Только после того, как раба заставляли покинуть святилище, выманив его оттуда огнем, голодом или хитростью, его можно было наказывать. Афины отличались самым гуманным обращением с рабами. Там существовали законы, по которым раба нельзя было мучить, пытать, а тем более убить¹⁴. Хозяин не мог сам расправиться с ним, а должен был обратиться к магистратам. В случае жестокого обращения раб имел право требовать через суд своей продажи другому, а за убийство невольника владельцев не только порицали, но и наказывали. Конечно, наказания были мягче, чем за убийство свободного человека, однако виновного могли присудить к изгнанию, покаянию и очищению.

Вызванного в суд раба никогда не допрашивали как свободного гражданина: под присягой, с принесением клятвы. Раб давал свидетельские показания «телом», т. е. все допросы проводились под пыткой. Подобное было обычным – так, в речах и выступлениях Аристотеля и Демокрита пытка рассматривалась как естественный способ дознания, и ей не давалось негативных оценок. В случае судебного разбирательства хозяин мог сам предложить допрос раба или же, наоборот, если он не разрешал допроса, то мог быть обвинен и проиграть тяжбу. Ни пол, ни возраст не служили защитой: пыткам подвергали всех – и мужчин, и женщин. Женщин, как правило, пытали чаще, так как они являлись свидетелями всего, что происходило внутри дома, поэтому самую достоверную информацию о домашних происшествиях получали у рабынь. После кровавых допросов раб мог остаться искалеченным, что рассматривалось как ущерб, нанесенный хозяйским «вещам». Зачастую противная сторона предлагала оценить и возместить убыток. Это считалось достойным и великодушным поступком.

Рабы интересовали хозяев только в трудоспособном возрасте. В детстве ими практически никто не занимался, и в старости они тоже были предоставлены сами себе. От них отделялись как от ненужной обузы, выгоняли из дома. Главы местной администрации разыскивали бывших хозяев, чтобы те забрали тела умерших на дороге рабов, изгнанных из-за своей дряхлости.

Характер, внутренний мир раба, стереотипы поведения формируются образом жизни, его зависимым положением. Раб – «купленная вещь», «тело», он «обезличен», исключен из общества и чужд понятиям добра и зла, предназначенным для свободных. Ментальность его основана на инстинктах, на чувственности, что и делает натуру «рабской», способствует проявлению низменных чувств и подлому поведению. Как и хозяин, раб любит отдых, хороший стол, удовольствия. «Желудок – это все для раба», – говорил уже Еврипид. Незаконные удовольствия можно было доставить себе хитростью, ложью или воровством. Привычка к обману, ставшая инстинктом, тотальное воровство – крали все, что могли украсть, – вот основные черты пове-

¹⁴ Полисный гуманизм распространялся лишь на граждан. Афиняне считали, что, запрещая жестокости, они охраняют нравственность. «Как бы не ударили гражданина, думая ударить раба» (Ксенофонт).

дения, соответствовавшие его положению: он унижался и пресмыкался, когда боялся наказания, был бесстыден и дерзок, когда оно не грозило. Любые наказания делали его душой, по словам Платона, еще более рабской, вызывали ненависть к господину и жажду мести.

Рабский труд – оборотная сторона античной культуры. Само существование полиса делается возможным лишь благодаря труду рабов. Однако создав условия для жизни античного общества, рабство пагубно отразилось на гражданах, профанировало свободный труд. В героические времена у греков пользовался уважением любой физический труд. В период архаики к такому давнему, почетному его виду, как земледельческий труд, прибавились торговля, ремесла, мореплавание. В классическую эпоху они продолжали развиваться, появились целые сословия, связавшие себя именно с этими видами деятельности (например, в Афинах).

Труд объединял все население Афин, и Перикл неоднократно подчеркивал его важность для государства: «Мы не стыдимся признаться в нашей бедности, стыдно не уметь избавиться от нее своим трудом, мы умеем заниматься одновременно и нашими частными делами, и делами государственными, и те же люди, которые отдают свои руки для труда, могут также ведать и государственными делами»¹⁵. Постепенно, однако, в обществе стали распространяться и другие настроения, характерные в первую очередь для аристократии, – презрительное отношение к труду как недостойному занятию. Это презрение сначала не относилось к искусному труду ремесленников или самостоятельному труду зажиточных крестьян, и уж тем более к деятельности, требующей художественных способностей (скульптуры, музыканты, архитекторы), либо научных познаний (философы, ораторы, врачи). Но по мере расширения сферы рабского труда, превращения его во всеохватывающую систему и формирования соответствующей идеологии, идеал праздности стал доминирующим для всех слоев общества. Рабство одинаково разложило аристократию Спарты и демократию Афин. Обе они оказались неспособны противостоять внешней экспансии.

¹⁵ Фукидид. Цит. соч.

Глава 3

Женщина. семья. Обучение

В классическом греческом полисе ярко выражено доминирование мужского начала. Человек – это всегда мужчина, муж. Женщина не только не занимает высокого места в обществе, но по своему положению всегда несамостоятельна, полностью зависит от мужчины. Она является низшим существом, и это четко формулирует Аристотель. Отличаясь теми или иными особенностями, в разных полисах положение женщины в целом одинаково.

Женщин в афинском обществе можно условно разделить на две категории. Первая – это жены, матери граждан, свободнорожденные полноправные женщины¹⁶. По своему статусу они предназначены для замужества, для законного брака. В Афинах, например, законным признавался только тот, в который вступал афинский гражданин и дочь гражданина, рожденная, в свою очередь, в законном браке и принадлежащая к определенному роду и дему. Дети из такой полноправной семьи могли получить в дальнейшем, по достижении совершеннолетия, гражданство, наследовать имущество и быть продолжателями рода.

Женщины-супруги не участвовали в общественной жизни. Их роль сводилась к простому продолжению рода. «Жен мы имеем для рождения законных детей и для верной охраны имущества», – говорит Демосфен в одной из своих речей. Жены были необразованными, по сути невежественными. Как правило, они умели читать, писать и вести домашнее хозяйство, но совершенно не разбирались в вопросах литературы, политики, философии и т. п. Самое главное, что требовалось от них, – целомудрие.

Другая половина женского греческого мира резко отличалась от первой. К ней относились чужестранки, женщины, происходившие из семьи, в которой не был зарегистрирован законный брак. За исключением женщин, живущих в семье (правда, брак этот с точки зрения закона трактовался как простое сожительство), все остальные могли рассматриваться как «свободные»: гетеры, авлетриды, паллаке, диктериады. *Гетеры* принадлежали к высшему слою этого пестрого мира. Дословный перевод слова «гетера» – спутница, так называли женщин, ведущих свободный, независимый образ жизни, но находившихся на содержании у мужчин. Они предназначались для приятного отдыха, праздника, сопровождали и развлекали своего господина. Конечно, не все из них достигали такого высокого уровня, как Аспазия, подруга, а потом жена Перикла, как Таис, спутница Птолемея, или Фрина, подруга Праксителя. Эти знаменитые женщины играли заметную роль в общественной и культурной жизни своего времени, их имена вошли в историю и обросли легендами. Но и не столь известные гетеры, принадлежавшие к высшему кругу, нередко были хорошо образованы, разбирались в политике, искусстве, философии и т. п. В целом путь образования и «эмансипации» в Древнем мире был доступен для женщин только этого типа и немыслим для жен. Гетеры имели свой центр, роль которого играл храм Афродиты в Коринфе. Там молодых девушек обучали искусству обхождения, а также музыке, риторике и даже философии.

Авлетриды – как правило, чужестранки, профессионально работающие в сфере искусства: танцовщицы, актрисы, музыкантши. Они зарабатывали на жизнь своими талантами и очень ценились греками. Их выступления оплачивались, особенно когда их приглашали на пиры. После удачного выступления такая женщина могла составить себе приличное состояние. *Паллаке*, или сожительницы, не обладали никакими правами, будучи по статусу чаще всего вольноотпущенницами, а то и рабынями. Самый низкий уровень – это *диктериады*, публич-

¹⁶ С правовой точки зрения женщины в Афинах вообще не могли считаться гражданками, так как были лишены гражданских прав, хотя на уровне обыденного сознания они воспринимались именно в этом качестве. Так, Перикл обращается к ним «супруги и гражданки».

ные женщины, продающие себя за деньги. Они могли жить в домах свиданий или вне их, но были одинаково бесправны. Закон относился к ним сурово. Для них существовала масса ограничений: живя в окрестностях города, они не имели права появиться в нем в светлое время суток, им запрещалось заходить в храмы, участвовать в празднествах. Греки строго следили за тем, чтобы диктериады не оказались рядом с их женами, беспощадно карая за несоблюдение этих норм (наказание следовало незамедлительно – оскорбление словом или действием). Они носили определенную одежду, по которой их сразу можно было узнать: костюм из пестрых тканей кричащих тонов, с букетами цветов, надевали белокурые парики или красили волосы.

Семья и дети

Как утверждал Еврипид, греки первыми из древних народов стали придерживаться принципа единобрачия, полагая, что полигамия – обычай варварский и недостойный благородного человека. Институт брака по античным представлениям преследовал две цели: общественную и частную. Общественная – умножение числа граждан, которые будут защищать границы отечества. Частная – продолжение рода, поддержание семейных традиций, почитание семейных богов, а также помощь в старости. Заключение брака являлось моральным долгом граждан перед семьей и государством.

В Греции не было юридических законов, заставлявших мужчин жениться. Однако существовало моральное принуждение¹⁷: например, в Афинах холостые мужчины, не выполнявшие свой долг и не женившиеся, уважением не пользовались. В Спарте к ним относились еще суровее: холостяцкая жизнь вела к частичной утрате гражданских прав, сопровождалась унижением не только со стороны отдельных граждан, но и со стороны государства. В частности, холостяки в определенный день года (зимой) должны были обнаженными обходить рыночную площадь, распевая специальную песню, в которой признавали свою вину. На них также налагали штрафы. На спартиатов, которые не имели семьи, не распространялось традиционное право на почитание пожилых людей. Плутархом описан эпизод, в котором молодой человек оскорбил знаменитого военачальника, не уступив ему место. На его возмущение юноша ответил: «Ты не родил сына, который со временем уступил бы место мне». Молодые люди в Спарте обязаны были выбирать себе жен преимущественно из бедных семей: таким образом обычай препятствовал имущественной дифференциации, чрезмерной концентрации богатства в одних руках. В Спарте, в отличие от других полисов, разрешались браки с чужестранками, и дети, рожденные в них, считались законными наследниками. Но, тем не менее, юноши предпочитали своих, местных девушек, воспитанных в спартанском духе. Так в семейных традициях проявлялся полисный патриотизм.

Выбор мужа – право и обязанность опекуна женщины: как правило, им был отец, брат, либо ближайший родственник. Выдавать замуж разрешалось в 12–15 лет, и кровное родство не служило препятствием. Сочетаться браком могли даже дети одного отца. Единственное ограничение: единоутробные дети не должны были вступать в брак. (Брак между братом и сестрой имел мифологический прототип – союз Зевса и Геры. Этот брак становится ритуальным в роду Птолемеев в Египте в эпоху эллинизма¹⁸

¹⁷ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1998.

¹⁸ Птолемей Филадельф восстановил матримониальную традицию фараонов, заключив брак со своей сестрой Арсиноей. В дальнейшем царская династия таким образом оберегала чистоту крови от смешения ее с кровью простых смертных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.